

ДМИТРИЙ
БЫКОВ

ОПРАВДАНИЕ

ОРФОГРАФИЯ

Опера в трех действиях

ОСТРОМОВ,
или Ученик чародея

«О-трилогия» — «Оправдание», «Орфография», «Остромов» — романы, написанные в общей сложности за десятилетие. Они о том, почему советский проект победил и почему он был обречен. Это взгляд на русскую революцию человека, который жил в девяностые годы XX века и хорошо знает, какие тайные трещины погубили советскую империю. Это реакция на вечную борьбу двух сил, в которой всегда побеждает третья. Это способ рассказать, в чем величие и трагедия русской культуры. А в конечном итоге это мучительная попытка человека нашего времени объяснить, почему все так бесславно заканчивается.

Дмитрий Быков

ДМИТРИЙ

БЫКОВ

ОПРАВДАНИЕ

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б95

Художник — *Владимир Мачинский*

Редактор серии — *Вероника Дмитриева*

Быков, Дмитрий Львович.

Б65   *Оправдание* : роман / Дмитрий Быков. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. —
349, [3] с. — (Быков.Всё).

ISBN 978-5-17-122134-8

В романе «Оправдание» Быков предлагает свою версию генерального плана сталинских репрессий: тех, кто не погиб, выдержал, не оговорил ни себя, ни других, ковали для особой миссии. Главный герой, внук репрессированного, в середине 90-х отправляется на поиски следов деда. Его расследование превращается в напряженный фантастический детектив с неожиданной, страшной развязкой.

«Оправдание» — первый роман «О-трилогии».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122134-8

© Быков Д.Л.
© ООО «Издательство АСТ»

Памяти Нонны Слепаковой

*К 1938 году в НКВД скопился материал,
достаточный для того, чтобы арестовать
все население СССР.*

Р. КОНКВЕСТ

*Холод — это наша есть жизнь. Надо сознательно
искать холодное и плохое и им огордиться.
Вот тогда-то и будут силы твои, ты будешь
Победитель Природы.*

*Как хорошее и теплое умирало, так умирает
и будет умирать до тех пор, пока не возьмутся
люди за врага и не дадут ему сокрушительный
отпор. Это сделает все холодное и плохое.
Желаю тебе счастья, здоровья хорошего.*

ПОРФИРИЙ ИВАНОВ

*Я вам скажу, только вы
на меня не сердитесь:
я очень люблю царственную пышность.*

ТЭФФИ

1

Доцента Московской сельскохозяйственной академии Ивана Антоновича Скалдина взяли в декабре тридцать восьмого года по известному «михайловскому делу». Сам Михайлов успел умереть за неделю до того, как начали арестовывать всю его школу. Жизнь — а точнее, смерть — спас ему как раз Скалдин: огромного роста, сильный, редко в чем сомневающийся, он пришел на квартиру к учителю и застал его в прискорбном состоянии. Не смевшая возразить семья жалась по углам: старик был крут. Врач из скорой настаивал на госпитализации, но семидесятилетний академик прогнал его. О больнице он не желал слышать. Его отец, дед, прадед — все померли дома и не снисходили до того, чтобы обманывать судьбу. Скалдин, недолго думая, вызвал карету скорой

помощи, подхватил слабо отбивавшегося академика на руки (если б не уважение к основателю школы, он бы вовсе перекинул его через плечо) и так снес в машину. Старик под конец, покорясь чужой и доброжелательной воле, испытал даже облегчение и поверил было, что выкарабкается. Но врачи скорой не знали, где больница Академии наук, и повезли туда, куда было ближе. Пока Скалдин созванивался с лечащим врачом академика, пока больного перекладывали из машины в коридор, из коридора снова в машину, пока довели до отдельной палаты — ноябрьский ледяной ветер его продул, и к вечеру другого дня Михайлов после короткой агонии умер. Дочь его проклинала Скалдина, кричала, что дома и стены свои и он, может, был бы жив, что он не перенес волнения, — и сам Скалдин себя жестоко корил, хотя на гражданской панихиде в академии его и называли наследником михайловского дела. Но слова «михайловское дело» имели уже другой смысл, и в первых числах декабря старика пришли брать. Опухшая от слез жена и насмерть перепуганная дочь объяснили приехавшим, что Михайлова уже взяли, и трое — один стертый и вежливый, двое мордатых — отбыли то ли в некотором разочаровании, то ли в испуге. Впервые на их глазах неподконтрольная сила так явно вмешивалась в судьбу жертвы.

А Скалдина взяли пятого декабря, в день новой конституции, потому что ни праздников, ни выходных в НКВД теперь не было. Он не испугался и ни на секунду не усомнился в том, что будет выпущен. У него, как

и у Михайлова, остались на воле жена и дочь, и во время обыска он успокаивал их как только мог. В то, что дело его разъяснится, он верил, пока сознавал себя, потому что слишком уж странные вещи ему предъявляли в качестве доказательств вины и слишком мало понимал следователь в том, чем они в академии вообще занимались. На обыске у него нашли опытные семена и предъявили как доказательство хищения народной собственности. Когда же он, не переставая широко улыбаться, рассказал следователю, что и дома продолжал работать, изучая и проращивая образцы, что так делали все, что они спешили к годовщине конституции рапортовать о новом сорте, следователь решил, что семена он брал для передачи иностранным агентам. Скалдин весело расхохотался и сказал, что ни одного агента он никогда не видел, работа еще только в завершающей стадии и довести ее до ума мог один Михайлов, а после Михайлова только он. За границей же, насколько ему известно, таких специалистов нет. Поняв, что Скалдину что-то известно о загранице, следователь разъярился окончательно и в первый раз ударил его кулаком в зубы.

Ивана Антоновича никто никогда не бил, разве что в детстве, когда он и сам дрался очень часто. При его богатырском сложении, а главное, добродушном характере врагов у него не было, и он так дружелюбно, естественно ставил себя с людьми, что и завистников не нашёл. Он убежден был, что работает на благо Родины, что лучше его страны нет на свете и что

издеваться над людьми здесь не будет никто и никогда. Слухи, доходившие о том, что делали с исчезнувшими коллегами и соседями, он считал недостоверными. Поколебать Ивана Антоновича в его вере было невозможно. Следователь не встречал еще таких людей и потому совершенно не ожидал, что Скалдин в ответ набросится на него и начнет колотить со всей крестьянской мочи. Хотя крестьянином был только его дед, а уже отец выбился в люди и выучился на агронома, но сила и упрямство были у них в роду, и за это Михайлов, сам из рода поволжских крестьян, Скалдина выделял особо.

Ивана Антоновича, конечно, за такое убили бы сразу, но он нужен был для большого сельскохозяйственного процесса, на котором объяснились бы все неурожаи и голод начиная чуть ли не с двадцать второго года. Сходные процессы бывали, но задумывался главный спектакль, и потому каждый специалист с именем был на счету. Следователь успел нажать кнопку. Скалдина с того допроса держали в наручниках, не давали спать, ставили в клетку с гвоздями и вообще подвергали пыткам такой тяжести, что и сами не понимали, на чем он держится. Держался он на своем крестьянском характере, добродушии и искренней вере, что все разъяснится. Пока ему не сломали правую руку, он писал бесконечные письма, в которых подробно, доступно, доброжелательно раскрывал суть своих и михайловских опытов. В результате чудовищного недоразумения ценный работник

был выключен из важного дела, и дело могло теперь — нет, не погибнуть, конечно, незаменимых нет, и к тем же выводам непременно придут другие, но это случится позже, а ведь дорог каждый день. Их пшеница сулила Родине возрастание урожайности по меньшей мере в полтора раза, причем климатически была приспособлена к суровым условиям русского Севера, — письма его походили на популярные брошюры, такие же ясные и благожелательные, и следовательно читал их с интересом, не переставая, однако, недоумевать: что ж он, и в самом деле ничего не понял? Следовательно тоже не понимал главного, он не догадывался о цели, да и запретил себе о ней думать, но некоторые детали генерального плана уже были ему ясны — и прежде всего он сообразил (хоть и не сразу), что если кто к ним попался, то обратного хода нет. А Скалдин все не понимал, и это одно давало ему силы писать свои письма, которые страшно раздражали следователя. Только поэтому ему и сломали правую руку. Обычно ее берегли, чтобы хоть осталось чем подписываться, но Скалдин уж очень достал органы дознания своей доброжелательностью и страстью все объяснить. Не барин, в случае чего накалякает левой. Каллиграфии не требуется.

Однако даже потом, со сломанной рукой и отбитыми почками, он не желал сотрудничать со следствием, то есть оговаривать себя. И когда ему пригрозили, что возьмут жену, он опять не понял, потому что жене было двадцать два года, а дочери на двадцать лет мень-

ше, и он представить себе не мог, чтобы в его стране были возможны такие фашистские методы дознания. С тем, что такое творили с ним, он смирился — похоже, кто-то ввел людей в ужасное заблуждение. Но он-то был здоровый тридцатилетний мужчина, а с женщинами, даже в заблуждении, ничего такого делать нельзя. В его стране не было людей, которые могли бы делать такое с женщинами. И он засмеялся.

Он смеялся и тогда, когда ему дали почитать показания ближайшего его друга, тоже михайловского ученика (в их группе не было зависти, старых и молодых объединяло дело, и все признавали скалдинское первенство среди равных). Показали ему и самого друга. У того пол-лица занимал багровый кровоподтек, и он еле слышно повторил, что Скалдин в разговорах вечно сетовал — вот, мол, приходится работать на советскую власть, а в Германии, например, их труд оценили бы совсем иначе. И Скалдин смеялся, и смеялся после, когда ему опять не давали спать, и через неделю следовательно понял, что он теперь всегда будет смеяться. Он забыл свое имя, забыл все. Следователь знал по опыту, что такие очень долго не гнутя, а потом ломаются в одночасье, но тогда от них уже никакого толку. О том, чтобы вывести Скалдина на процесс, и речи не было. Можно было попробовать привести к нему жену — вдруг идиот очухается, перепугается, — но санкции не давали, и вообще интерес к «михайловскому делу» с апреля почему-то заглох. Такие вещи происходили непред-

сказуемо. Заинтересовались военными, и агрономы отпали — отработанных, их пустили под трибунал без публичного процесса.

Случись иначе, жену Скалдина Марину, скорее всего, действительно взяли бы, тем более что происхождение ее было двусмысленное, интеллигентское — она была дочерью учителя гимназии, взятого в заложники после убийства Урицкого в восемнадцатом году и расстрелянного через две недели. Ей было тогда два с половиной года, и она ничего не помнила, но атмосферу безнадежности, поселившуюся с тех пор в доме, впитала навсегда. Поэтому и ареста мужа Марина ждала с самого начала, еще когда у нее на работе (она печатала на машинке в той же академии, и там ее полюбил Скалдин) взяли старшую машинистку. Это была строгая, суровая женщина, всегда отчитывавшая девушек, если они в погоне за нормой делали слишком большие поля или раньше времени выкручивали из каретки лист, в котором вполне хватило бы места еще на две строчки, а ведь в стране и до сих пор не хватало хорошей бумаги (Марине по ее добросовестности попадало за другое: она допечатывала лист до самой кромки). Марина знала таких женщин — они не могли быть замешаны ни в чем преступном. Говорили, что старшая машинистка передавала врагам какие-то данные, к которым имела доступ по работе, и девочки шептались, что гримзе так и надо, но Марина помни-

ла, как начальница отпустила ее с работы, когда у нее на втором месяце закружилась голова, и как она уважала Скалдина, и главное — она даже под пыткой никогда и ничего не передала бы врагам. И с того самого момента, как Наталью Семеновну взяли, она уже ничего хорошего не ждала.

Кстати, тогда же выяснилось, что старуха вовсе и не старуха, что ей сорок восемь лет и что вместе с ней живет племянник, сын ее умершей от рака сестры. Племяннику было шестнадцать лет, она никогда не приводила его на работу и ни словом о нем не проговаривалась, не желая, видимо, приоткрывать свою жизнь перед подчиненными, и объявился он впервые только через месяц после того, как ее взяли. Это было в тридцать седьмом, когда нескольких человек вдруг выпустили, и тогда женщина, бывшая в камере с ней и вышедшая на волю, этого племянника по просьбе Натальи Семеновны нашла. Она передала ему, что Наталью Семеновну оговорили, что если вступятся коллеги, то ее, может быть, отпустят и что все это только ужасное недоразумение. Племянник оказался хромоножкой, у него была родовая травма: сестра Натальи Семеновны была партийный работник, много ездила, долго недоедала и потому рожала трудно. Еще у него после шока, вызванного арестом тетки, немного подергивалось лицо, словно он пытался стряхнуть с него выражение униженности и мольбы, с которым пришел за нее просить. Он зашел в машбюро, пытался добраться и до какого-то начальства и всех уверял, что

им стоит пойти к следователю — и Наталью Семеновну освободят, надо только добиться, чтобы их выслушали. Ему обязательно надо было, чтобы коллеги подтвердили ее невиновность, ведь все они хорошо ее знали, и все кивали в ответ, а девочки-машинистки даже напоили его сладким чаем (новая старшая машинистка Клавдия Степановна была добрая, не то что гримза), и все обещали пойти поговорить, но никто, конечно, не пошел. Марина некоторое время казнилась, но она с самого начала понимала, что ходить никуда не надо, потому что выбор сделан и заместить жертву нельзя, это такой закон. Наталья Семеновна обладала какими-то чертами, за которые надо было взять именно ее, она была уместна в этой жизни и годилась ей в пищу. Тем не менее Марина ласково поговорила с мальчиком, который, кажется, ее не слышал, и рассказала ему про крошечную дочь, словно подсознательно оправдываясь, почему никуда не пойдет (впрочем, тут же оборвала себя, потому что нехорошо было рассказывать про свою семью бедному хромоножке, у которого никого не было), и даже дала свой телефон — на случай какой-нибудь нужды, и сунула денег. Деньги мальчик взял, страшно краснея и подергиваясь лицом, — ему, видно, приходилось совсем туго, — но не позвонил ни разу. Что случилось с Натальей Семеновной, Марина так и не узнала, и мальчик тоже никогда уже не появился.

Марина не знала и никто не знал, что шестнадцатилетний хромой мальчик действительно пытался